

М.М. Лоевская (Москва, Россия)

Житийная литература конца XX – начала XXI века: отличительные особенности и своеобразие

Аннотация: В статье анализируется жанр агиографии и изменения в агиографической композиции житий святых XX в. Указано, что отличительной чертой «новых» агиографий становится не только точное указание года и места рождения святого, но и включение в текст протоколов допроса, отрывков из дневников, писем, фотографии. Рассматривается жанр жития-биографии мучеников и исповедников российских, канонизированных на рубеже XX–XXI вв.

Ключевые слова: агиография, жития святых, новомученики, древнерусская литература

М.М. Loyevskaya (Moscow, Russia)

The Peculiarities of Hagiographic Literature of the late 20th – early 21st centuries

Abstract: The article discusses the genre of hagiography and changes in the hagiographic composition of the lives of saints of the 20th century. It is indicated that a distinctive feature of the “new” hagiographies is not only the exact indication of the year and place of birth of the saint, but also the inclusion in the text of interrogation reports, excerpts from diaries, letters, and photographs too. The genre of biographies of Russian martyrs and confessors, canonized at the turn of the 20th–21st centuries, is analysed.

Key words: hagiography, lives of the Saints, new Martyrs, Ancient Russian literature

Житие – это знамение времени, этим объясняются те новации, которые неизбежно появляются в различных жанрах литературы, в том числе агиографической. Агиографический жанр развивался на протяжении полутора тысячелетий, но, несмотря на устойчивость, и ему было присуще понятие нового, специфическая динамика: отражение быта и нравов общества (в поздних житиях XVI–XVII вв.), использование описаний природы и пр. «Несложная, простая, бесхитростная жизнь Древней Руси так прямо и переносилась в литературное произведение»¹. Рубеж XX–XXI вв. отмечен новыми тенденциями в агиографии: наряду с древнейшими традициями появились принципиально новые. Отличительной чертой житий под-

¹ Некрасов И.С. Древнерусский литератор // Беседы в ОЛРС при Императорском Московском университете. Вып. 1. М., 1867. С. 47.

вижников конца XX – начала XXI в. стало стремление авторов к «повествователь-но-справочной» полноте при описании жизни святых мучеников и исповедников. Так, большинство житий с «протокольной» точностью сообщает о всех вехах жизненного пути того или иного подвижника (даты рождения, обучения с указанием заведения, в котором обучался будущий святой, рукоположения – принятия им сана, деятельности до и после революции, дата мученической кончины – всё. То есть перед нами сухая и сжатая биография святого. Дословно приводим житие мученика Ивана Михайловича Ковшанова. «Родился в Одессе в 1878 году в мещанской семье, юрист по образованию, бывший присяжный поверенный. Был юрисконсультom Александрo-Невской Лавры в Петрограде. Весной 1918 года был избран комиссаром по епархиальным делам “для представительства и защиты общих прав и интересов” Петроградской епархии»¹. В данном случае сложно понять, в чем, собственно, состоял подвиг святого, какова была его кончина, не говоря уж о его духовном становлении. Казалось бы, оно, «сверхкраткое», больше подходит для синодика или словаря, чем для житийного сборника. И тем не менее любые, даже самые скудные сведения о мученике, вехи его земной жизни важны, так как воскрешают имя, личность из забвения.

Подобных примеров мы немало найдем в двухтомнике Данилушкиных. Данные жития, как нам представляется, можно отнести к особому типу агиографического произведения, а именно «житию-биографии».

Как правило, в древнерусской агиографии главное внимание уделялось не личностным качествom святого, а типическим (преподобномu свойственны особый аскетизм, нестяжание, смирение и т. д., мученикам – мужество и стойкость в перенесении мучений во имя веры, юродивым – внешний имморализм и скрытая от людских взоров духовная жизнь, также активная сторона их деятельности – обличение пороков и пр.). Древнерусский агиограф «старался изобразить в своем произведении не столько действительную личность, сколько идеальный тип христианского подвижника вообще, пользуясь для этого изображением не столько историческими фактами из частной жизни описываемого им лица, сколько известными типическими чертами указанного идеала, приписывая своему подвижнику смирение, целомудрие, послушание, непрестанное трудолюбие, пост, молитву, крепость, любовь к ближнему и другие качества идеального подвижника»².

Отличительной чертой большинства современных житийных произведений является внимание к внутреннему миру подвижника, особое значение придается его портретной характеристике (что, как правило, не встречалось в древней агиографии). Например, в житии священномученика епископа Порфирия (Гулевича) раскрывается как внутренний, так и внешний облик владыки. Психологический портрет священномученика создается с помощью многочисленных художественных деталей и речевой характеристики: «Он был высокого роста с седой бородой и седыми ниспадающими на плечи волосами. Нос был крупный, с горбинкой. Над глубоко посаженными глазами свисали густые поседевшие брови. Впавшие от аскетической жизни щеки ясно очерчивали скулы. Губы были скорее тонкие, чем средние, и выражали волю, собранность и решительность. Все движения были неспешны, выверены и исполнены архиерейского достоинства. Голос был густой, исходивший как бы из сердечной глубины, свидетельствующий о широкой и ода-

¹ Некрасов И. С. Древнерусский литератор. С. 818.

² Яхонтов И. Жития северно-русских подвижников Поморского края как исторический источник. Казань, 1882. С. 215.

ренной натуре. В нем чувствовалась внутренняя сила и богатая духовная жизнь. Со всеми, кто к нему приходил, епископ Порфирий был ласков и приветлив. С немощными и заблуждающимися неизменно был снисходителен. Даже во время общения по хозяйственным или другим вопросам в нем чувствовалась большая внутренняя работа и углубленность в молитву. Владыка отличался большой работоспособностью, его никто не видел уставшим. От него исходила некая энергия, просветленная духовной радостью»¹. Он бесстрашно обличает «предателей веры» (обновленческое духовенство епископ называет не иначе как «антихристами, продавшимися властям»²); с кафедры открыто призывает православных молиться о сосланных и заключенных, невинно томящихся в изгнании архиереях, священстве, монашествующих и мирянах и обвиняет в этом саму власть: «Советская власть притесняет религию, арестовывает духовенство, доходя до беззакония...»³. В 1932 г. в одной из проповедей владыка во всеуслышание заявляет: «У нас в стране голод, и в этом всем виновата власть; на Украине народ голодает. Я и сам голодаю. Власть довела страну до голода и нищеты, народ ничем не снабжают, благодаря этому развивается спекуляция, за которую власти опять же карают»⁴. Конечно, такие проповеди не могли остаться незамеченными и без последствий. А последствия, в соответствии со «сталинским каноном», были, как всегда, трагическими: арест (четыре месяца в симферопольской тюрьме), ссылка на пять лет в Казахстан, расстрел в 1937 г. за «контрреволюционную деятельность» и «антисоветскую пропаганду».

Жития, входящие в 7-томное сочинение игумена Дамаскина (Орловского), составлены уже несколько иначе, нежели в упомянутом двухтомнике Данилушкиных или сборниках житий святых подвижников XX в., изданных Сретенским монастырем⁵. В предисловии к первому тому автор пишет: «Эта книга – церковное предание, это – память церкви и народа о себе и своих святых: мучениках, исповедниках и подвижниках благочестия. Факты проверены по документам, хранящимся в архивах госбезопасности и других государственных архивах»⁶. При этом он сознается, что намеревался написать книгу о российских мучениках и исповедниках XX столетия в соответствии с общепринятыми образцами, т. е. по традиционному агиографическому канону, но отказался от задуманного. «Мне не трудно было сгладить все жизнеописания под один стиль, нивелировать их, – пишет Дамаскин (Орловский), – но такое сглаживание непременно привело бы к фактическим утратам»⁷. Следует все-таки отметить, что многие жития, им составленные, тем не менее выстраивались по традиционному принципу (родители, детство святого, его духовный путь), однако впоследствии игумену Дамаскину не удалось избежать «литературного однообразия» (В.О. Ключевский), т. е. тенденция к единообразию проявилась в большинстве составленных им житий, в первую

¹ Священномученик епископ Порфирий (Гулевич) // Русь святая: Календарь ... с житиями подвижников XX столетия ... на 2003 г. [М.]: Благо, 2002. С. 343–344.

² Там же. С. 345.

³ Там же. С. 344.

⁴ Там же. С. 345.

⁵ Русь святая: Календарь ... с житиями подвижников XX столетия ... на 2001 год. [М.]: Благо, [2000]. 380, [3] с.; Русь святая: Календарь ... с житиями подвижников XX столетия ... на 2002 год. Т. 1. [М.]: Благо, [2001]. 381, [2] с.; Русь святая: Календарь ... с житиями подвижников XX столетия ... на 2002 год. Т. 2. [М.]: Благо, [2001]. 380, [3] с.; Русь святая: Календарь ... с житиями подвижников XX столетия ... на 2002 год. Т. 2. [М.]: Благо, [2001]. 380, [3] с.; Русь святая: Календарь ... с житиями подвижников XX столетия ... на 2003 г. [М.]: Благо, 2002. 382 с.

⁶ Дамаскин (Орловский), *иером.* Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним. Кн. 1. Тверь, 1992. С. 5.

⁷ Там же. С. 6.

очередь в «новой» агиографической композиции: рождение (год и место), «послужной список» с указанием дат, арест, протоколы допроса (в житии приводятся полностью тексты) и сообщение о месте гибели; жития сопровождаются уникальными фотографиями, в том числе выполненными в тюрьме после вынесения приговора для опознания лица, ведомого на расстрел. На них «запечатлен взгляд человека, уходящего в вечность...»¹. Автор намеренно стремился передать фактическую сторону события, правду, не желая ничего приукрашивать домыслами и фантазиями – «это было бы все пустоцвет»², по его мнению. Однако «протокольная точность» повествования зачастую скрывает внутренний мир святого. Дамаскин (Орловский) сознается, что не дерзал глубоко и полно изображать духовную сторону жизни того или иного подвижника: «Жизнь (и смерть) святых мучеников и подвижников есть воплощенный идеал истинного, духовного и возвышенного жития. И по этой причине она нам может показаться странной и непонятной. Душа инога подвижника так чиста, так свободна от всяких греховных и омрачающих помыслов, что нам представить это трудно. Поэтому и описать душевное состояние подвижника нелегко, не сходно оно с нашим»³.

Следует отметить, что природа «литературного однообразия» древних и современных житий совершенно различна. «Подражание биографов (древнерусских. – М.Л.) одному образцу есть первая причина того сходства между житиями, которое бросается в глаза при самом поверхностном знакомстве с этими памятниками духовной литературы»⁴. Традиционные образы и принципы их воплощения (мудрость и благочестие святого в детстве, искушения, испытываемые в зрелом возрасте), сюжетные перипетии (чудеса или испытание веры), что объясняется лишь одним – подражанием Божественному Владыке. «Создавая образ святого, автор жития исходит из того, что святость, в любом ее проявлении, всегда есть последование Христу. <...> Писатель-агиограф <...> воссоздает жизнь не просто доброго пастыря, добродетельного человека – но *святого*, то есть подобного Христу, “небесного человека и земного ангела”»⁵. Говоря словами Г.П. Федотова, происходит «растворение человеческого лица в небесном прославленном лике»⁶. «Единообразие» современных житий вызвано иными причинами: автор следует определенному композиционному трафарету, им же созданному.

В медиевистике традиционность древнерусских текстов, в том числе житийных, также понимается как наличие общих кусков в памятниках, текстуальные заимствования. «Автор-агиограф всегда использовал известные ему жизнеописания, иногда буквально заимствуя из них целые фрагменты», отсюда схожесть череды «эпизодов, повторяющихся из жития в житие, схожих ситуаций, подвигов, чудес, даже реплик и диалогов»⁷. Это качество распространяется и на современные жития. Одну и ту же, можно сказать, дословную характеристику «даниловцев» и «катакомбников» мы встречаем в житиях сщмч. Серафима (Звездинского) сщмч. Андрея (Ухтомского)⁸. Знаменитое выражение профессора Войно-Ясенец-

¹ Петрова З. Агиографический труд игумена Дамаскина (Орловского) о мучениках и исповедниках XX века: www.voskres.ru/literature/critics/damaskin.htm

² Там же.

³ Там же.

⁴ Яхонтов И. Жития северно-русских подвижников Поморского края как исторический источник. С. 85.

⁵ Карпов А. К читателю // Избранные жития русских святых X–XV вв. М., 1992. С. 8–9.

⁶ Федотов Г.П. Святые Древней Руси. М., 1990. С. 30.

⁷ Карпов А. К читателю. С. 8.

⁸ См. указанные жития в изд.: Жития и Жизнеописания Новопрославленных Святых и Подвижников Благочестия... Т. 2. СПб., 2001. С. 24, 41.

кого («...я много оперировал на мозге и, открывая черепную коробку, никогда не видел там также и ума») перефразируется в житии сщмч. Евсевия (Рождественского). Как и Войно-Ясенецкий, он отвечает на вопросы представителя общественного обвинения, требующего доказать <...> существование Бога: «Сколько я ни смотрю на небо, вижу только небо. Не можете ли Вы более убедительно доказать нам существование Бога?» Епископ Евсевий на это спокойно заметил: «Это так же точно непонятно для меня, как и то, что я здесь, сидя на скамье подсудимых, смотрю на вас, на вашу голову, зная, что в ней есть черепная коробка, и в ней есть мозги, но мозгов в ней не вижу»¹. Таким образом, «традиционность» не просто повторение, а необходимая форма выражения конкретного содержания, она присуща как древним, так и современным житийным памятникам.

Сближает древние и современные жития цель их написания – «на уведение последним родом» (Пахомий Логофет), т. е. составляются они для почитания памяти святого и для назидания потомкам. И это вполне естественно, так как агиография всегда была и остается образцом спасительной жизни, «искусством спасения» (Б.И. Берман). Сравнительное изучение современной агиографической литературы до тех пор будет шатким и не сделается вполне твердым, пока не уяснится ее связь с древнерусскими и византийскими житиями. Изучение и обращение как к древним, так и современным житийным произведениям особенно важно сегодня. Полное отсутствие религиозного воспитания и образования в течение нескольких десятилетий сделали свое дело: новое поколение, особенно молодое, наиболее чуждо религии, оно ее не ненавидит, как большевики во главе с Лениным, большая их часть ее просто игнорирует, не замечает. И это очень опасный синдром, ведущий к отмиранию «органов исторического восприятия, к непониманию и забвению прошлого, разрыву между прошлым и настоящим, отступничеству от веры, утрате исторического предания»². Здесь уместно вспомнить А.И. Герцена, недоумевавшего, почему верить в Бога смешно, а верить в человечество не смешно; верить в Царство Небесное глупо, а верить в земные утопии мудро? Он же указывал, что прошлое оставляет в истории «ступню», по которой наука восстанавливает «былое в основных чертах». Так вот жития мучеников и исповедников российских позволяют, во-первых, не просто «восстановить былое», но показать зло прошлого. «История, особенно недавняя, живет среди нас. Ее корни в нашем сознании, в нашем быту, в нашем словаре. Поэтому разобраться в ней, давать оценку страшным событиям, которые сотрясали мир на протяжении почти всего нашего века, – одна из насущных проблем», – пишет прот. А. Мень³. Во-вторых, житийная литература испокон веков оказывала огромное влияние на души людей, можно сказать, что она являлась «духовной школой», «духовной опорой», «духовной пищей», дающей «духовную силу». «Это есть школа христианской мысли, христианского любомудрия <...>, вечный мир нестареющего опыта умозрения <...>. Только в нем и из него открывается правый и верный путь к новому христианскому синтезу, о котором томится и которого взыскует современная эпоха», – эти слова прот. Георгия Флоровского относятся к 1937 г., но актуальны они по сей день⁴. Это как раз то, чего не хватает сегодня современному человеку. Конечно, образ праведника всегда считался «утешительным, назидательным и животво-

¹ Священномученик Евсевий, архиепископ Шадринский // Жития и Жизнеописания Новопрославленных Святых и Подвижников Благочестия... Т. 2. СПб., 2001. С. 361

² 2000-летию Рождества Христова посвящается: Спец. вып. «Вестника архивиста». М., 2001. С. 5.

³ Мень А., прот. Трудный путь к диалогу. М., 2001. С. 82–83.

⁴ Флоровский Г., прот. Восточные отцы IV века. Париж, 1931. С. 6.

рящим» (Иннокентий Херсонский). Св. Димитрий Ростовский писал: «Памяти святых совершати апостольская заповедь. Жития же их и подвиги списовати и во общую чтущим и послушающим предлагати пользу, воистину хвально есть и спасительно. Того ради <...> да не предадутся долгим временем забвению добрыя вещи, и лишены будут человецы душевныя пользы»¹. Однако современный читатель житий (следует признать, что их в настоящее время значительно меньше, чем читателей популярной массовой литературы) вряд ли откликнется на традиционный агиографический призыв «к совершению подобных же деяний»: не встанет на многометровый столп, как столпники, для молитвы за мир, не наденет вериги, не уйдет в пустыню, – главное, чтобы житие смогло тронуть душу, «размягчить окостенелость и перевернуть душевные пласты, чтобы на размягченную и взрыхленную почву “бросить семя”...»². Это та литература, которая для многих сегодня может стать источником вдохновения, примером христианской мудрости и мужества.

ЛИТЕРАТУРА

Берман Б.И. Читатель жития (Агиографический канон русского средневековья и традиция его восприятия) // Художественный язык средневековья. М., 1982. С. 159–183.

Дамаскин (Орловский), иером. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним. Кн. 1. Тверь, 1992. 237 с.

2000-летию Рождества Христова посвящается: Спец. вып. «Вестника архивиста» / Рос. о-во историков-архивистов, Синод. комис. по канонизации святых; [Сост. М.Н. Романова]. М.: Рос. о-во историков-архивистов: Синод. комис. по канонизации святых, 2001. 429, [1] с.

Жития и Жизнеописания Новопрославленных Святых и Подвижников Благочестия, в Русской Православной Церкви просиявших: (От царствования царя-мученика Николая II Александровича и до наших дней) / [Авт.-сост. Михаил Борисович Данилушкин, Марина Борисовна Данилушкина]. Т. 2: Август-декабрь. СПб.: Воскресение, 2001. 806, [1] с.

Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней свт. Димитрия Ростовского. Кн. 4. Число 12. Свято-Введенская Оптина пустынь, 1993. 492 с.

Избранные жития русских святых X–XV вв. / [Предисл. А. Карпова]. М., 1992. 382 с.

Мень А., прот. Трудный путь к диалогу. М., 2001. 453 с.

Некрасов И.С. Древнерусский литератор // Беседы в ОЛРС при Императорском Московском университете. Вып. 1. М., 1867. С. 39–50.

Петрова З. Агиографический труд игумена Дамаскина (Орловского) о мучениках и исповедниках XX века: www.voskres.ru/literature/critics/damaskin.htm

Русь святая: Календарь ... с житиями подвижников XX столетия ... на 2001 год. [М.]: Благо, [2000]. 380, [3] с.

Русь святая: Календарь ... с житиями подвижников XX столетия ... на 2002 год. Т. 1. [М.]: Благо, [2001]. 381, [2] с.

Русь святая: Календарь ... с житиями подвижников XX столетия ... на 2002 год. Т. 2. [М.]: Благо, [2001]. 380, [3] с.

¹ Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней свт. Димитрия Ростовского. Кн. 4. Число 12. Свято-Введенская Оптина пустынь, 1993.

² *Берман Б.И.* Читатель жития (Агиографический канон русского средневековья и традиция его восприятия) // Художественный язык средневековья. М., 1982. С. 170.

Русь святая: Календарь ... с житиями подвижников XX столетия ... на 2003 г. [М.]: Благо, 2002. 382 с.

Священномученик епископ Порфирий (Гулевич) // Русь святая: Календарь ... с житиями подвижников XX столетия ... на 2003 г. [М.]: Благо, 2002. С. 338–346.

Священномученик Евсевий, архиепископ Шадринский // Жития и Жизнеописания Новопрославленных Святых и Подвижников Благочестия, в Русской Православной Церкви просиявших: (От царствования царя-мученика Николая II Александровича и до наших дней) / [Авт.-сост. Михаил Борисович Данилушкин, Марина Борисовна Данилушкина]. Т. 2: Август-декабрь. СПб.: Воскресение, 2001. С. 360–361.

Федотов Г.П. Святые Древней Руси. М., 1990. 268, [3] с.: ил.

Флоровский Г., прот. Восточные отцы IV века. Париж, 1931. 56 с.

Яхонтов И. Жития северно-русских подвижников Поморского края как исторический источник. Казань, 1882. 377 с.

REFERENCES

Berman B.I. Reader of the Lives (Hagiographical canon of the Russian Middle Ages and the tradition of its perception). In: *The Art Language of the Middle Ages*. Moscow. 1982, pp. 159–183.

Damascene (Orlovsky), hieromonk. *Martyrs, Confessors and Devotees of Piety of the Russian Orthodox Church of the 20th century. Biographies and Materials for Them*. Book. 1. Tver. 1992. 237 p.

Dedicated to the 2000th Anniversary of the Nativity of Christ: Special issue of the “Archivist Bulletin” / Russian Society of Historian-Archivists, Synodal Commission for the Canonization of Saints; [Comp.: M.N. Romanova]. Moscow. 2001. 429, [1] p.

Fedotov G.P. (1990) *Saints of Ancient Rus’*. Moscow. 268, [3] p.: ill.

Florovsky G., archpriest. (1931) *Eastern Fathers of the 4th century*. Paris. 56 p.

Hieromartyr Bishop Porfiry (Gulevich). In: *Holy Rus’: Calendar... with the lives of ascetics of the 20th century... for 2003*. [Moscow]. Blago Publ. 2002, pp. 338–346.

Hieromartyr Eusebius, Archbishop of Shadrinsk. In: *Lives and Biographies of the Newly Glorified Saints and Devotees of Piety, who shone forth in the Russian Orthodox Church: (From the reign of the Tsar-Martyr Nicholas II Alexandrovich to the present day)* / [Author-compilers: M.B. Danilushkin, M.B. Danilushkina]. Vol. 2: August–December. St. Petersburg. Voskresenie Publ. 2001, pp. 360–361.

Holy Rus’: Calendar... with the lives of ascetics of the 20th century... for 2001. [Moscow]. Blago Publ. [2000]. 380, [3] p.

Holy Rus’: Calendar... with the lives of ascetics of the 20th century... for 2002. Vol. 1. [Moscow]. Blago Publ. [2001]. 381, [2] p.

Holy Rus’: Calendar... with the lives of ascetics of the 20th century... for 2002. Vol. 2. [Moscow]. Blago Publ. [2001]. 380, [3] p.

Holy Rus’: Calendar... with the lives of ascetics of the 20th century... for 2003. [Moscow]. Blago Publ. 2002. 382 p.

Lives and Biographies of the Newly Glorified Saints and Devotees of Piety, who shone forth in the Russian Orthodox Church: (From the reign of the Tsar-Martyr Nicholas II Alexandrovich to the present day) / [Author-compilers: M.B. Danilushkin, M.B. Danilushkina]. Vol. 2: August–December. St. Petersburg. Voskresenie Publ. 2001. 806, [1] p.

Lives of Saints in Russian, set out according to the guidance of the Chetyih-Menya of St. Demetrius of Rostov. Book 4. Number 12. Holy Vvedenskaya Optina Hermitage. 1993. 492 p.

Men A., archpriest. (2001) *The Difficult Path to Dialogue*. Moscow. 453 p.

Nekrasov I.S. *Ancient Russian Writer // Conversations at the Society of Lovers of Russian Literature at the Imperial Moscow University*. Issue 1. Moscow. 1867, pp. 39–50.

Petrova Z. *Hagiographical Work of Abbot Damaskin (Orlovsky) on the Martyrs and Confessors of the 20th c.*: www.voskres.ru/literature/critics/damaskin.htm

Selected Lives of Russian Saints of the 10th–15th cs. / [Preface by A. Karpov]. Moscow. 1992. 382 p.

Yakhontov I. (1882) *Lives of Northern Russian Ascetics of the Pomeranian Region as a Historical source*. Kazan. 377 p.

Сведения об авторе:

Маргарита Михайловна Лоевская,
доктор культурологии
профессор
факультет иностранных языков
и регионоведения
МГУ имени М.В. Ломоносова

Margarita M. Loyevskaya,
Doctor of Cultural Studies
Professor
Faculty of Foreign Languages and Area Studies

Lomonosov Moscow State University
mloevskaya@mail.ru